

Странно, но раньше, повстречай я такого субъекта, то избавиться от желания подпортить этот утонченный облик хотя бы в малом, мне было бы очень сложно. Что поделать, хоть мы и находились с Рёманмару, по сути, на одной половине "социального" поля в том, что касается способов существования и, так сказать, происхождения, но были при этом на совершенно разных полюсах данной теневой стороны. А классовую ненависть в ее самом чистом и незамутненном виде пока еще никто не отменял. Многие считают, что такое чувство рождается от зависти к кому-то более успешному или активному, но... В моем случае эта неприязнь относилась далеко не к каждому, кто был просто богаче, а только к вполне определенным категориям людей из этого класса.

И хотя многие могут назвать этот вопрос риторическим, он все равно остается важен и интересен. В чем успешность детей богатых родителей? Только в том, что они росли в лучших условиях и теоретически могут получить более качественное образование, стартовые возможности и общее развитие? Да, это есть. Но многие ли из них понимают это и пользуются именно в таком ключе, чтобы стать столь же успешными и выдающимися, как их матери и отцы? Или же большинство из них просто считают такую жизнь само собой разумеющейся и начинают воображать, будто имеют какие-то особые права и привилегии? Вот то-то и оно.

В старые века военная аристократия Японии, как и любой "служилый круг" в других странах, по крайней мере, отрабатывала (или как минимум пыталась это делать) свои особые права на войне, проливая собственные пот и кровь. Конечно, всегда были те, кто этого не делал, но формально числился в данных сословиях. И их поведение, на мой взгляд, было тем же самым, что ужимки всяких отпрысков богатых и властных родителей. Человек должен делать себя сам, и плевать на его происхождение. Честь предков, о которой любит поболтать в нашей стране каждый второй, и даже кровь, что течет в твоих жилах, не дает никому никакого права смотреть свысока на других. Напротив, эти вещи - твоя кабала и тягло, твоя ответственность, и ты обязан не уронить, не замарать их своими поступками. Но понимает это далеко не каждый, и даже не один из тысячи. Будучи лишенным в жизни такой вещи, как "изначальный родительский вклад", я пришел к таким выводам исключительно на собственном опыте и тех знаниях, что получал сугубо практическим путем. И пока ничто и никто не смогло поколебать мою точку зрения на этот счет.

Тем забавнее был тот факт, что Рёманмару Дото уже не вызывал у меня раздражения или чего-то еще связанное с этой областью рассуждений. Видимо, человек, который тебе уже изначально максимально ненавистен, причем, совсем по иной причине, не может вызвать еще больше внутренней злости. Но не стоит забывать и о самоконтроле. А потому, я так и не позволил появиться на своем лице хищной улыбке или каким-либо другим признаков радостного предвкушения. Не знаю, сказали тебе, приятель, о том, кто я и что могу, или же нет, но ты решил выйти на этот бой, и получишь не только свою личную виру, но и за всех тех, до кого я никак не смогу дотянуться...

Среди, не менее чем трех десятков людей, сопровождавших Дото, на фоне общей массы безликих помощников и прочей "обслуги" особенно сильно выделялись четверо. И если с невысоким жилистым стариком-сенсеем, обладателем роскошных седых усов, все было понятно сразу, то троица, державшаяся прямо за спиной у финалиста, могла бы вызвать у неподготовленного человека целый ряд занятных вопросов. К счастью, или нет, но я уже попал в число тех, кому не требовалось гадать, кого именно он сейчас видел перед собой. Братья Рёманмару не обманули своим внешним видом моих предварительных ожиданий.

Старший из сыновей "козырного" семейства, похоже, уже довольно давненько разменял третий десяток и вообще отличался на фоне младших братишек. Рослый, кряжистый, с мощной квадратной челюстью, украшенной аккуратной "капитанской" бородой, Рёма-старший на голову превосходил всех остальных в группе сопровождения, а в плечах не уступил бы даже могучему верзиле Сокону. Дорогой черный костюм, наверняка, какая-нибудь дико понтовая итальянская марка, прекрасно скрывал довольно внушительную мускулатуру здоровяка. Но мой наметанный глаз, привыкший сходу оценивать чужую физическую форму, сразу зацепился за ряд мелких деталей, вроде чересчур "раздутых" рукавов пиджака в районе предплечий. Глаза и почти треть лица старшего из братьев были скрыты за зеркальными стеклами квадратных солнцезащитных очков, которые он не потрудился снять даже в помещении.

Двое других кровных родственников Дото походили на него внешне куда более. Такие же сухопарые подтянутые фигуры, треугольные лица с заостренными подбородками, темные глаза миндалевидной формы. Тому, что, видимо, был вторым по старшинству, визуальное было лет восемнадцать. Самый младший мог бы сойти за ровесника Дото, не зная я точно, что они не близнецы. Дорогие наряды, один в один, как и у Рёмы-старшего, смотрелись на братьях невероятно уместно и даже несколько угрожающе. Совсем, как черное кимоно самого Дото, украшенное спереди двумя драконами, вышитыми красной и золотой нитью. Уже оказавшись рядом с татами, мой противник повернулся к трибунам, приветствуя их театральным, но при этом довольно естественным жестом, а я смог убедиться, что на спине его косодэ тоже имеется искусно вышитый рисунок в том же пафосном стиле. Куда там грубым самодельным иероглифам, сделанным рукой Харады-сенсея, что красовались на моем облачении.

Обернувшись на какое-то мгновение к Гендо и своему седому наставнику, уже начавшему отбивать концом своей тростью по полу нервную дробь, я хмуро улыбнулся и кивнул сенсею, стараясь, чтобы мой жест выглядел как можно более успокоительным. Над ареной раздался негромкий перезвон, толпа болельщиков сразу же смолкла, а судья взмахнул своим веером, призывая участников финала занять свои места на разметке. Выйдя на рубеж и исполнив два формальных поклона, я исподлобья взглянул на Дото, и не увидел в его лице и глазах ничего, кроме лишь надменно пренебрежения и полной уверенности в собственной победе. Что ж, надеюсь, у тебя и вправду есть основания так думать, парень... Потому, что я не хочу, чтобы наш бой закончился слишком быстро!

Судейский веер взметнулся вверх и только начал еще опускаться, когда Дото метнулся ко мне размытой тенью, за неразличимое мгновение переходя из совершенно расслабленной позы в состояние полной боевой готовности. Вот только он не один был такой сегодня на этой площадке. И первая серия ударов Дото, должная, судя по всему ошеломить, смять и опрокинуть противника, бессильно разбилась о мои жесткие блоки.

Связка для попеременной работы руками "три-два", удар правой ногой в живот, сразу переходящий в разворот и обратную подачу все той же правой пяткой в голову, еще шаг вперед и атака левым коленом в корпус, захлестывающая подсечка и "двойка" в лицо. Это была длинная и хорошо отработанная серия, но состояла она исключительно из самых банальных простейших приемов. Планово отбрасывая кулаки и стопы Дото, а иногда и просто уворачиваясь от атак, я сделал четыре шага назад, позволяя выложиться ему до конца. На самом деле, мне лишь хотелось увидеть его силу и скорость, а также уровень "технического" исполнения, которым владел мой соперник. И этой серии было более чем достаточно. В своем стремительном натиске Дото, пожалуй, почти равнялся с Кампаку Рюдзаки, в вопросах

слаженной отработки ударов поспорил бы с корейцем Ингоном, а вот мощь его атак и отточенность рефлексов оставляли желать лучшего. Нет, без сомнений и недомолвок, Рёманмару Дото входил в пятерку сильнейших бойцов, которых я встретил на этом турнире, того же Таро, что достался мне в первом бою, он размазал бы по татами тончайшим слоем. Однако не этот человек должен был быть одним из тех, кто получил право сражаться за чемпионский титул! И поэтому, простите меня, сенсей, я посвящу эту схватку не только вам, но и таким парням, как Кампаку Рюдзаки, Яра Сокон и Ли Ингон. Ведь будет жутко несправедливо, если первым на этом чемпионате станет тот, кто едва ли дотягивал до их уровня. И без разницы, каким стилем они владели, были ли настоящими бойцами или профессиональными спортсменами, чистокровными жителями островов или чужаками из соседних земель. В данном случае, это уже не имело никакого решительного значения. По крайней мере, для меня!

Несмотря на то, что его атаки не возымели ни малейшего эффекта и не принесли Дото ни единого очка, Рёманмару замешкался лишь на пару мгновений и снова ринулся в бой. Но в этот раз я тоже не стал отступать, метнувшись ему навстречу. Качнувшись вправо и вниз, мне удалось уйти от кулака противника, лишь обдавшего холодным воздухом мою скулу и висок, и нанести из этого положения точный хлесткий удар в открывшуюся подмышку Дото. Очков такая атака мне не приносила, но эффект имела самый серьезный. Рёманмару зашипел сквозь зубы и поспешно отскочил от меня с перекошенным лицом, разрывая дистанцию. После секундного раздумья он зеркально сменил свою стойку, выводя на "главную позицию" свою левую. Ударный стиль, которым владел Рёманмару, позволял довольно легко и активно использовать обе верхние конечности, и теоретически для боя они должны были быть развиты одинаково хорошо. Но если человек по жизни не владеет обеими руками равнозначно эффективно, что бывает где-то в одном случае из десятка тысяч, то он всегда больше склонен развивать свою "основную" руку. Для боевых искусств это тоже не исключение. Впрочем, было похоже на то, что Дото, как и многие другие, был свято уверен в том, что это не его случай, и дзюдзюцу, которому он обучился, позволило сгладить подобную разницу между руками. Ну, что ж, пусть скажет потом за это "спасибо" своему тренеру, что внушил ему это опасное заблуждение.

Первая же попытка Рёманмару продолжить атаковую серию и первый удар левой, как я и надеялся, полностью разрушило все иллюзии моего соперника. Моя рука приняла атаку на скользящий блок, раскрывшаяся кисть скользнула вниз, захватывая запястье Дото и, стиснув его стальными клещами пальцев, вывернула резко вверх. Будь это правая рука, и Рёма-третий успел бы выдернуть свою конечность из захвата, но это была не она. Удар ногой под колено я сбил встречным ударом стопой и, доворачивая корпус, продолжил тянуть противника вперед и вниз, совершенно не давая ему шанса дотянуться до меня ослабленной правой. К тому же, классическая реакция на кистевой захват - косой удар ногой в корпус, которую предпринял Дото, сразу привела к тому, что он на время оказался лишь одной ногой на полу. Моя собственная нога, та самая, которой я проделал свой блок-удар, в отличие от ноги соперника не стала возвращаться обратно, а, напротив, на полмгновения зависла на месте. Молниеносное движение одним лишь коленом, и в открывшееся солнечное сплетение Рёманмару прилетела вроде бы не очень несильная, но жутко неприятная подача верхней стороной стопы. И ее, в сочетании с неустойчивым положением Дото и его вывернутой вниз левой рукой, которую мои пальцы в этот момент уже отпустили, оказалось вполне достаточно, чтобы опрокинуть парня на спину.

Зрительские трибуны дружно выдохнули, команда соперника взорвалась криками, а я сделал два плавных шага назад, так и не став обозначать добивающий. Весь эпизод занял не более

трех секунд, но ситуацию на площадке он переменял кардинально. Я, как и прежде, даже не помышлял о том, чтобы тянуться к Силе, но моя природная скорость и ловкость, как показала практика, превосходила навыки Дото с большим избытком. Вот только мой оппонент, в отличие от меня, с первого раз это не понял.

Вскочив поспешно на ноги, коснувшись рукой грудины и слегка поморщившись, Рёма-третий смерил меня злобным взглядом и снова сменил стойку, возвращаясь к своему изначальному варианту. Угадать, что именно он попытается сделать в этом случае, было несложно. Оставив рукам только защитную роль, Дото попытался провести против меня "чистую" серию одними ногами.

Подобные атаки, как правило, всегда менее точны, но зато более "тяжеловесны", чем при работе только одними руками или при комбинациях. Вот только пытаться использовать их, не обладая преимуществом или хотя бы равенством в скорости, станет лишь тот, кто просто не сумел придумать ничего умнее.

Я отбросил в сторону первый "пинок" в живот, врезал Дото жестким локтевым блоком по голени левой ноги и, читая его движение на два хода вперед, поднырнул под новый замах, избегая увесистой плюхи в лицо. Вытянутая нога Рёманмару оказалась у меня над плечом, а сам снова оказался лишь на одной точке опоры, причем порядком "пошаливавшей" после моей последней блокировки. Получилась в итоге идеальная иллюстрация, причем либо к пособию по каратэ в том, что касается проведения ногой удара "маваши", либо к учебнику по дзюдзюцу, раздел "Ваш противник сделал за вас почти всю работу". Поворот корпусом и перекрестный шаг, моя рука успевает ухватить поднятую ногу Дото чуть ниже колена, так и не давая ей опуститься, и отнюдь не классическое завершение. Вместо того чтобы резко сбить соперника на татами, опрокинуть его на спину, прижав лопатками к матам, и зафиксировать в жестком захвате угодившую в ловушку ногу, я сделал еще один шаг и, зацепив своей левой стопой стопу Рёманмару, потащил ее за собой, фактически усаживая противника на шпагат. Впрочем, до конца опуститься он так и не успел. Еще один короткий хлесткий, но не менее болезненный и жесткий удар в "солнышко", на этот раз кулаком снова швырнул Дото на пол.

Арена лихорадочно вздохнула вновь и разразилась множеством воплей. Рёма-третий с багровым лицом, стараясь хоть как-то восстановить окончательно сбившееся дыхание, пошатываясь, поднялся на ноги. Снова не обозначив добивающий, я по-прежнему не давал судье повода прервать наш поединок и дать противнику хотя бы небольшую паузу. Видя огоньки ярости, разгорающиеся в глазах у Дото, я уже намеренно издевательски улыбнулся и сделал рукой приглашающий жест. Болельщики с моей стороны ответили на это одобрительными криками. Те, кто поддерживали Рёманмару, либо хранили молчание, либо призывали его стереть меня в порошок. Троица братьев неистово взревела что-то схожее, не обращая никакого внимания на напряженного старика-сенсея. Впрочем, мой оппонент и без этих подсказок уже дошел до нужной кондиции.

С лица у Дото исчезла всякая бывшая надменность, оставляя место лишь чистой ненависти, и парень, позабыв обо всем, ринулся на меня в лобовую атаку, открываясь уже по всем направлениям и без всякой задней мысли. В любой другой ситуации я не позволил бы себе совершить то, что сделал дальше, но, видимо, кровь в этот момент ударила в голову не только Дото. Сорвавшись вперед, мне удалось сделать Рёманмару на чистой скорости. Повернувшись вокруг себя, я открылся сам при этом настолько, что тот же Рю-кун ни за что не оставил бы

подобную "оплошность" безнаказанной. Дото буквально влетел мне в спину, после чего оставалось лишь перехватить его предплечье, оказавшееся справа от моей головы после его неудачного удара, ушедшего в "молоко", и врезать локтем второй руки себе за спину, угодив, судя по ощущениям, точно в зубы. Не давая сопернику придти в себя и воспользоваться всеми выгодами, что давало ему сейчас его положение, я провел классический бросок через плечо.

Зал гроыхнул не хуже, чем в тот раз, когда я отправил в глубокий нокаут Яру Сокона. Крики восторга, свист и прочая какофония из беспорядочных звуков придавили меня к площадке едва ли не физически. Понимая, что удачный бросок в любом случае остановит наш бой, я демонстративно небрежно сделал шаг вперед, опустил на одно колено и обозначил атаку в голову все еще так и не пришедшему в себя Рёманмару. Если в мои подсчеты нигде не закралась ошибка, то это было уже восьмое очко. Половина до нужной разницы в пятнадцать, чтобы получить победу. Победу по очкам, разумеется.

Вернувшись на разметку, я дождался, пока Дото полностью оклемается, встанет на ноги, выслушает какие-то наставления от своего наставника, "комментарии" от братьев, гневно зыркавших на меня, и вернется, наконец, на нужное место. Судья поднял веер и, может быть, мне только показалось, как-то странно покосился в мою сторону. С некой равной долей страха и досады во взгляде. Впрочем, я быстро выкинул это из головы. Финальный бой, все-таки, еще не был закончен, а электронные часы отсчитали из положенных трех минут только одну.

Рёманмару стал заметно сдержаннее, а его действия более продуманными, хотя мне было видно, что злость и гнев у него внутри по-прежнему на равных борются со страхом и осторожностью. Но теперь уже была моя очередь дать волю накопившимся эмоциям. Шаг вперед, выход на максимальную дистанцию, и Дото приходится блокировать мой прямой удар, неудачно выводя свой блок на уровень глаз и закрывая себе половину обзора. Его тело на чистом рефлексе попыталось уйти в сторону так, чтобы не получить атаку ногой в "слепой" зоне, но третий из сыновей известного амакудари банально не успел этого сделать. Впрочем, и я не стал наносить банальный боковой по ребрам, а пнул противника под колено, заставив сбиться и потерять последние крохи скорости. Вынырнув из-за еще только опускающегося блока, мне оставалось только легко отразить невнятную подачу все еще "ослабевшей" правой и, сблизившись с Дото настолько, насколько это было вообще возможно, провести еще одну стремительную серию. Локтем снизу по многострадальной груди, снова срывая дыхание и выбивая весь воздух из легких, и основанием ладони той же самой руки, просто "раскрывшейся" после первой атаки вперед, мощный "хлопок" прямо багровому иероглифу на налобной повязке. Пока мой противник на пару секунд оказался полностью ослеплен, выбит из колеи и дезориентирован, я сделал шаг к нему за спину и опять швырнул на татами, опрокинув его подсечкой. Снова без добивающего.

Народ на арене начал заводиться все сильнее. Не знаю, как это выглядело со стороны, но я ощущал свое полное превосходство на площадке, и лишь въевшийся с годами буквально в кости инстинкт самосохранения не давал моей эйфории взять власть над разумом. Дото, кашляя и шипя проклятья, поднялся на ноги только со второй попытки. Его ухоженные длинные волосы выбились местами наружу и растрепались по лицу, а общий вид был уже довольно помятым и совсем не таким "величественным", как раньше. И далеко не сразу Рёманмару заметил, что слово, начертанное на его повязке, уже больше не видно так хорошо, как раньше, полностью скрывшись в темно-красном влажном пятне. Только лишь когда крупная багряная капля скатилась из-под края материи до самой переносицы, Дото ошарашено сморгнул, провел рукой по лицу и уставился не верящим взглядом на свои

окровавленные пальцы. Команда моего соперника угрожающе загудела, а судья, суетливо подскочив к Рёманмару, отдал мне команду вернуться на разметку. Кто-то осуждающе свистнул, но арбитр остался непреклонен, а "костюмы" за столом хранили молчание.

Нехотя заняв свое место, я вынужден был наблюдать за тем, как врач чужой команды, умело обрабатывает "страшную рану" моего соперника. При этом заботливый медик не слишком торопился, давая Дото достаточно времени, чтобы снова передохнуть. Когда эта ничем не обоснованная пауза затянулась на совсем неприличный срок, с трибун, кажется, как раз из того сектора, где засели мои особые фанаты, снова раздался оглушительный свист. Но этим эпизод не исчерпался. Стоило только Дото вернуться на татами, как судья поднял веер и, указав в мою сторону, неожиданно огласил.

- Шишигавара Моэ, спортивный клуб Мияшита. Вам выносится первое предупреждение за чрезмерную жестокость.

Два предупреждения - штраф пять очков. Три - техническое поражение. Наш поединок определенно становился все веселее. А главное понятно это было не только мне. Зрители, например, встретили заявление судьи недовольным гулом, причем не только те, что были изначально на моей стороне, но и из числа болельщиков самого Рёманмару немало людей открыто демонстрировали сейчас свое неудовольствие. Гендо, едва не взорвавшегося явно не самым лицеприятным высказыванием, в последний момент успел остановить сенсей. Оно и понятно, предупреждение выглядело, по меньшей мере, нелепо. Да, кровь, но это всего лишь большая ссадина. К тому же это финал категории, и хотя излишняя жестокость здесь никому не нужна, но и не до нежностей всяких.

Но судья был тверд в своем решении, которое, впрочем, не добавило моему оппоненту храбрости, уверенности или чувства удовлетворения. Ну что же, значит, буду чуть более аккуратным и осторожным.

Атакующую серию Дото, окончательно утратившую былую скорость и страсть, я отразил чисто механически, не вникая особо в нюансы, и без усилий провел "двоечку" правой по зубам и в глаз. Голову Рёманмару заметно мотнуло назад, но только-только я настроился продолжать, как меня остановил окрик судьи... Да какого хера на этот-то раз, а?!

Отправив меня на разметку, арбитр снова принялся плясать вокруг Дото. Выглядело это уже совсем не смешно. Зубы у Рёманмару, похоже, остались все на своих местах, но десны я ему от души раскровавил, а его правый глаз начал слегка заплывать. Ухоженная кожа наливалась хорошей такой синевой, и солидного фингала на четверть физиономии Дото явно было уже не избежать. Тем не менее, это к категории "чрезмерной жестокости" или даже "спортивной грубости" точно никак отнести было нельзя. Под презрительно-недовольное ворчание трибун, судья все-таки вернулся на место и продолжил поединок.

Хмуро хмыкнув и покосившись на Хараду-сенсея, я спокойно опустил руки и вышел из стойки. Дото, пару секунд неуверенно взиравший на это, преодолел колебания и бросился в бой. Он провел четыре четких удара в корпус и, напоследок, от души вмазал мне боковым, угодив точнехонько в ту отметину, что оставил на моем лице рюкюсец Сокон. Последнее было по-

настоящему болезненно, но предыдущие атаки я сумел перенести почти без проблем, заранее настроив на это мышцы груди и пресса. После этого, видимо, сам испугавшись своего успеха, Рёманмару отскочил обратно и замер, уже совершенно не понимая, что происходит. Впрочем, он был сейчас в этом зале такой не один. А я, криво улыбаясь, перевел взгляд на судью и достаточно громко, чтобы было слышно во всем притихшем зале, поинтересовался:

- Теперь хотя бы было достаточно "не жестоко"?

Многочисленные люди на трибунах, наблюдавшие за всеми предыдущими действиями судьи с откровенным неудовольствием, ответили на мой вопрос взрывом хохота, местами откровенно издевательского, одобрительными восклицаниями, а некоторые и громкими аплодисментами. Я, тем временем, перевел взгляд на Дото и, чуть склонив голову, одними губами произнес:

- Так быстро я с тобой заканчивать не собираюсь.

Во взгляде Рёманмару вспыхнула внезапная искра понимания, почти сразу сменившаяся паникой, которую в свою очередь довольно быстро вытеснил гнев. Дото понял, что я дал ему ударить себя не только ради того, чтобы приструнить судью, уже явно начавшего подыгрывать одной из сторон. Гораздо важнее было то, что к этому моменту мой счет уже "опасно" приблизился очкам к двенадцати-тринадцати, и потому следующий "раунд" сшибки грозил принести мне победу. Которую я, пока, совсем не хотел получать. Мне нужно было продолжение поединка, и осознание этого стало для Дото отнюдь не самым приятным сюрпризом.

Реакция у Рёмы-третьего, по моему скромному мнению, в ответ на подобное откровение могла быть двух видов. Парализующий волю страх или яростная истерика. Изучив этого парня в бою, все остальные варианты я счел слишком упорядоченными для его натуры, откровенно несдержанной и чрезмерно эмоциональной. И Дото меня не подвел и даже не разочаровал, выбрав из двух то, что, по крайней мере, окончательно не уронило его в моих глазах. Сипло зашипев сквозь зубы от злости, парень снова ринулся в атаку.

Излишний гнев заставляет ошибаться, хотя самому тебе в момент его проявления может казаться, что ты все делаешь верно и правильно. Рёманмару, по-видимому, тоже казалось, что решение перебить мне ударом кулака кадык, раз и навсегда закончив нашу схватку, является в нынешний момент наиболее оптимальным. То, что это приведет к моей смерти и его дисквалификации с чемпионата, не говоря уже об уголовном деле, Дото волновало мало. Впрочем, если учитывать, кто был его родителем и связи, которыми этот человек обладал, то последний пункт вероятно и вправду был для парня совершенно не страшен

Я действительно сильно рисковал в этот раз, но оставалось надеяться, что Дото уже не покажет сегодня своей лучшей скорости, а мне удалось достаточно хорошо приноровиться к его манере сражения. Кулак Рёманмару, нацеленный точно в мое адамово яблоко, замер, лишь на волос не успев добраться до своей "мишени". Я не менял свою позу и не вставал обратно в стойку. Я лишь в самый последний момент опустил резко голову, зажав руку Дото между своим подбородком и грудинными концами обеих ключиц. Все-таки мой противник не был еще настолько сильным мастером, чтобы нанести серьезный вред моему горлу, так и не коснувшись его. А огромный зал удивленно смолк, и вокруг на долгие две секунды повисла невероятная

тишина. На самом деле, это было не сложнее, чем перехватить руку с ножом или поймать пистолетную пулю. Единственная сложность - не использовать Силу при этом. Но я рискнул, и успех окупился сторицей.

Прямо передо мной замерло пораженное лицо Рёманмару - глаза, расширившиеся от шока, лоб с наклейкой-пластырем и крупными каплями пота, рот, приоткрытый в немом изумлении. Что ж, этого зрелища мне, пожалуй, будет достаточно, нельзя быть слишком жадным в удовлетворении своих желаний. Разницу между настоящими бойцами и такими, как Дото, каких повыбывали еще на отборочных, видел теперь весь зал. И хорошо, что здесь стою я, а не Рю-кун, например. Кто знает, какие бы способы нашли те же якудза и прочие покровители семейки Рёманмару, чтобы принудить другого бойца "слить" финал этому папенькиному сынку? Конечно, тот же Кампаку парень не робкий, но боюсь, не у всех был в кармане такой же тайный козырь, как у меня. А, кроме того, уж что-что, а несравнимую славу маленькому провинциальному додзё из Мияшиты такой финальный поединок не мог не принести. Теперь в могуществе стиля, преподававшегося в вашей школе, Харада-сенсей, узнали все, кто был хоть немного заинтересован в вопросах боевых искусств. И этот триумф не только мой лично. Это - моя вам плата за всё, учитель!

Левая кисть, метнувшись змеей, легла на запястье Дото, и уже в следующее мгновение рука противника оказалась вывернута вниз, едва освободившись из "тисков" подбородка и ребер, от чего он сам согнулся почти пополам. Дернув его на себя, я сместился чуть вперед и сильно вправо, сходу нанося согбенной фигуре удар ногой в район диафрагмы. Рёманмару вздрогнул всем телом, подпрыгнув на месте, но прежде, чем он упал, моя левая нога, возвращаясь после предыдущего удара, едва чиркнула пальцами по мату и снова взметнулась вверх. В который раз за эти три дня турнира я восславил своих безымянных предков за мою великолепную растяжку. Ноге, согнутой в колене, не пришлось искать "обходных путей во время подъема, и, распрямив ее вверх, я едва не коснулся пальцами собственного уха. Удар пяткой из этой позиции по согнутой спине Рёманмару, прямо по центральной роже самого большого дракона, был жестоким и сокрушительным. Впрочем, я взял себе труд сдержаться, чтобы попросту не сломать своему противнику позвоночник. Но буквально вбить его в рифленую поверхность татами мне это ничуть не помешало.

Арена в очередной раз взорвалась сумбурным разочарованно-радостным воплем, а я обернулся к побледневшему судье и, глядя исподлобья прямо ему в глаза, с легкой такой угрозой в голосе процедил:

- Можешь впаять мне второе предупреждение и пять очков штрафа.

Для Рёманмару Дото, который даже и не пытался больше уже шевелиться, этот бой в любом случае был завершен окончательно. Не обращая никакого внимания на членов команды "Рёма", высыпавших на площадку, я двинулся в сторону своего улыбающегося сенсея и Гендо-семпая, демонстрирующего мне два оттопыренных больших пальца. Дико приятное чувство абсолютного удовлетворения, появившееся у меня в душе, оказалось на удивление опьяняющим.

- Рёманмару Дото, школа Акэси, Токио, продолжать поединок не сможет, - раздался у меня за спиной срывающийся голос судьи, безрезультатно силящийся перекрыть шум от

неистовствующих трибун. - Победа в финальном поединке, категория дзюдзюцу, вторая возрастная группа, за Шишигавара Моэ, спортивный клуб Мияшита...

- Спасибо, Моэ, - куда важнее, чем те слова от человека стоящего в центре зала, для меня были эти, сказанные едва сдерживающим слезы сенсеем. - Спасибо тебе!

- Молодец! Так держать, парень, - Гендо по-свойски похлопал меня по плечу.

А я, сделав шаг назад, еще раз посмотрел на Хараду и склонился параллельно полу.

- Спасибо за это только лишь вам, сенсей.

Вокруг шумел огромная спортивная арена, щелкали фотоаппараты, сменялись надписи на электронных табло, и царила странная, новая и совершенно незнакомая мне атмосфера. А я... Я просто радовался своей первой в жизни серьезной победе, достигнутой не для себя, а для кого-то другого. Удивительно, но делать это, оказывается, тоже чертовски приятно!

И хорошо, наверное, что в тот момент я еще и не догадывался о том, как повернутся события буквально через несколько часов, и к чему это все приведет в конечном итоге.

* * *

- ... Таким образом, ваш ученик будет лишен своего титула и полагающихся наград, а победа на чемпионате автоматически переходит ко второму финалисту. Кроме того, решением организационного комитета Ассоциации за подобные нарушения Шишигавара Моэ получает запрет на выступления в любых спортивных состязаниях на территории Японии сроком на четыре года. Запрет может быть снят только по истечении данного срока и после прохождения полного медицинского освидетельствования, - заместитесь председателя той самой "Ассоциации" подвел итог своей пространной речи, взирая на нас с другой стороны широкого стола.

Только у этого тощего невзрачного типа с глазами дохлой рыбы хватало духу поднять на нас свой взгляд. Остальные члены, так называемой, дисциплинарной комиссии стыдливо сверлили взглядом столешницу и изучали линолеум на полу кабинета.

О том, что грядут серьезные неприятности, я стал догадываться, когда уроды в белых халатах заявили о том, что у меня надо взять повторную пробу на допинг. А уж когда нас завернули с церемонии награждения, то все стало ясно уже окончательно. Молниеносное разбирательство по грубо сляпаным обвинениям в мой адрес, гласившим, что, кроме стероидов, я принимаю еще и какую-то дрянь с труднопроизносимым названием, прошло за невероятно быстрые сроки - всего лишь несколько часов с момента получения первой "положительной" пробы, и пожалуйста. Почему ни одна предыдущая проверка ничего не выявила, никого совершенно не интересовало, да оно и понятно. Вот же, мрази...

- Также, на спортивный клуб Мияшита в пользу Ассоциации возлагаются штрафные санкции в размере трехсот тысяч иен. А само решение организационного комитета может являться основанием для подачи в суд исков со стороны участников соревнований, имевших в рамках турнира встречи с дисквалифицированным бойцом, и их тренерских команд, как в отношении выявленного нарушителя, так и в отношении самой Ассоциации, допустившей возможность подобного нарушения, - процедил сквозь зубы тощий мудак.

Гендо успел подхватить покачнувшегося сенсея под руку, но спустя мгновение Харада уже вновь крепко стоял на ногах, опершись на свою трость. У, суки! Хоть бы предложили сесть старому человеку, гады! Сами-то все сидят, убудюдки гнойные, а нас типа вызвали "на ковер"! Приговор послушать!

Реакция Харады на сообщения о штрафах и судах была мне прекрасно понятна. Сенсей брал со своих учеников только самую минимальную оплату, чтобы покрывать затраты на инвентарь и "коммуналку". А поэтому, никаких серьезных сбережений или иных больших накоплений у наставника попросту не было. Триста тысяч! Хоть совесть поимейте, твари! Мои кулаки от гнева сжимались все сильнее, ногти вонзились в кожу ладоней, и эта боль хоть чуть-чуть притупляла ярость. Но срываться было нельзя, я обещал Хараде-сенсею, что буду держать себя в руках. К тому же, это не улица, где все можно легко решить в относительно честном споре одной лишь грубой силой.

- Вы можете подать апелляцию по вопросу в течение двух недель, либо обратиться за прямым разбирательством в суд, - заключил заместитель председателя.

Утырок лупоглазый, ты ведь прекрасно знаешь, что школе Харады не по карману даже участие в судебном разбирательстве, инициированном с нашей стороны! К тому же, оно должно вестись даже не в суде нашей префектуры, а в городском суде Токио, одно только проживание в котором обойдется мастеру в неподъемную сумму! Нет, можно являться лишь на главные заседания, передав ведение дел адвокату, но адвокаты тоже работают не за бесплатно! А уж хорошие и давно...

- Нам жаль, что так получилось и приходится принимать столь жестокие меры...

Тощий совершенно случайно встретился взглядом со мной. И, от того, что увидел в глазах обычного хулиганистого школьника господин заместитель, он сразу осекся на середине фразы и подавился гортанным кашлем. Не волнуйся так, тварь. Я хорошо запомнил твою бледную рожу, и, может быть, не сегодня, и даже, наверняка, не завтра, но когда-нибудь тебе точно придется с ужасом вспомнить обо всем этом скотстве, в котором ты принял самое непосредственное участие.

Толпа встревоженных людей, состоящая из тренеров и спортсменов, поджидала нас за дверьми, где шло "вынесение приговора" от Ассоциации. К моему немалому облегчению, никого из журналистов охрана спорткомплекса сюда не пропустила. Одним из первых навстречу Хараде-сенсею протиснулся тот седой дядька, которого мне показывал Гендо. Отоёси Сунегехара, кажется.

- Не волнуйся, - обратился он к моему мастеру с самым суровым видом, - так просто мы это уже не оставим. В этот раз они зашли слишком далеко.

- Если у них хватило духу раздуть такой скандал, то пусть теперь будут готовы за него и ответить, - поддержал Отоёси еще один сухонький старичок, в котором я сразу опознал тренера Кампаку. - Уверен, все наши с тобой бывшие соученики по школе Кодэн будут только рады посодествовать! Монтаро и Сабуро сейчас не последние люди в аппарате министра культуры и спорта...

- Все это выглядит весьма неприглядно, и, думаю, не только мне и моему отделу найдется в этом деле над чем поработать, - из ниоткуда нарисовался рядом "синепузый" инспектор, с которым свела нас судьба еще прошлым вечером.

Рядом со мной, тем временем, внезапно оказался Рюдзаки. Его правая рука покоилась на медицинской перевязи, но в остальном мой недавний противник по четвертьфиналу уже выглядел полным сил и здоровья.

- Моэ-кун, - Кампаку склонился ко мне так, чтобы никто из говоривших рядом людей ничего не услышал из нашей беседы. - Я знаю, какое дерьмо эти братья Рё. Так, что и на секунду не поверил в те обвинения, что тебе предъявили. Учителя и многие из наших намерены в этот раз поставить ублюдков из Ассоциации на место, и плевать, кто там за ними стоит сейчас. Поэтому будь уверен, это дело так просто никто не забудет!

- Благодарствую за поддержку, Рю-кун, - я видел, что парень абсолютно искренен в своих словах, но от старых привычек непросто избавиться. - Но все свои проблемы я как-то привык решать исключительно сам.

- Даже и не сомневаюсь, - рассмеялся Рюдзаки. - Но если вдруг передумаешь, или что-то понадобится, то всегда обращайся. И это... - мой собеседник оглянулся через плечо, чтобы лишний раз убедиться, что нас никто не слушает. - Будь осторожен. Эти четверо уродов, с которыми ты пересекался, жутко мстительные. Всякое может быть...

- Спасибо. Учту.

- Эх, вот такая она штука - жизнь, - уже двигаясь к выходу, Гендо толкнул меня локтем в бок, видимо, заметив мой угрюмый вид и желая приободрить. - Как зебра! Полоса белая, полоса черная, полоса белая... Но в конце у всех лишь глубокая...

- Очень жизнеутверждающе, - буркнул я, перебив семпая.

- Мда, и вправду, - согласился Гендо. - Жалко ты у нас, Моэ-кун, несовершеннолетний, иначе я бы точно знал, как поднять тебе настроение этим вечером.

- Этим вечером, Гендо-семпай, у меня вообще-то свидание, - ответил я, по-прежнему без всякого выражения, заставив клерка болезненно сморщиться.

- Нормально! А главное, он молчит и ни слова. Знаешь, Моз-кун, редкостной ты породы зверь. И, похоже, точно лишь одно - не полосатого окраса!

* * *

- Хотя рассуждать об этом уже поздно, но... Вы точно уверены в том, что мы применили наиболее подходящий метод из всех возможных вариантов?

Хозяин роскошного кабинета слегка поерзал в своем невероятно удобном кресле и, слегка поправив одно из множества золотых колец, унизывавших толстые пальцы, откинулся на широкую спинку из натуральной кожи. Его единственный собеседник, к которому и был обращен последний прозвучавший вопрос, поднял на Кобаяси свой леденящий, пугающий взгляд и лишь небрежно пожал плечами. Кремовый костюм, как и всегда, отутюженный просто идеально до последней складки, смотрелся на этом человека довольно броско, но не вызываяще. На фоне остального интерьера комнаты, в котором превалировало темное дерево разных оттенков, наряд гостя выглядел ярким и не совсем уместным пятном.

- Не вижу причин, чтобы в очередной раз обсуждать эту тему, Кобаяси-сама, - тихий голос произносил каждое слово так, будто предварительно взвешивал в нем каждый звук или букву. - В конечном итоге, все получили то, чего желали. Дото-кун - свой новый титул, вы - требующиеся деньги, все остальные - напоминание о том, на кого они работают.

- И все же... Этот скандал...

- Это не первый скандал и не последний, - отрезал человек с глазами убийцы. - И кому, как не вам, знать об этом, Кобаяси-сама. К тому же, этот скандал не ваша забота. А наши люди из Ассоциации тоже обязаны отрабатывать свой хлеб и, согласно договоренности, принимать на себя все последствия подобных эпизодов.

- Конечно, вы правы, - кивнул уса́тый толстяк, становясь заметно спокойнее, но тут же встревожившись вновь - Однако, меня немного тревожит тот факт, что мы ничего не сообщили семье Рёманмару о том... инциденте в гостинице. Точнее, - с намеком протянул Кобаяси, - обо всех его деталях.

- Это было излишне, - отрезал гость. - К тому же, способ, к которому мы прибегли для решения конечных трудностей, избавил нас от тех вероятных сложностей, что непременно возникли бы, попытайся мы действовать с этим парнем как-нибудь по-другому.

- Но, тем не менее, - не сдавался так сразу хозяин кабинета, - возможно, нам стоило хотя бы намекнуть им... Все-таки, по вашим же собственным словам, этот мяши́тский со́плек сумел поймать пулю голой рукой! - несмотря на то, что вся последняя фраза была произнесена

шепотом, говоривший сумел подчеркнуть восклицание в самом конце.

- И это лишь помешало бы нашим планам исполниться столь успешно, - собеседник мастерски продолжал выдерживать свою маску полного безразличия. - Узнай, братья Рёманмару об этом факте, и кто знает, что случилось бы дальше. Дото-кун вполне мог, не своим умом, так с подачи старшего брата, решить сняться с соревнований, а то, что вы и многие важные люди потеряют на этом свои деньги, волновало бы этого парня в самую последнюю очередь.

- Очевидно, что так...

- Но он вышел на бой, уверенный в своих силах, и случилось именно то, чего мы ждали. Шишигавара просто избил его, проделав это открыто и дерзко, что, в свою очередь, легло прекрасной иллюстрацией на его дальнейшее обвинение в употреблении допинга. Все в этой ситуации получилось более чем естественно, а глупые попытки ваших друзей из Ассоциации влезть не к месту, чтобы подыграть Дото-куну, лишь подставили их самих.

- Да-да-да, это все, конечно, очень удобно. Но боюсь, как бы конфликт между Рёманмару и Шишигавара не получил определенное продолжение, в свете случившегося, - высказал тревожившую его мысль Кобаяси. - И в этом случае, если вдруг случится непоправимое, а потом станет известно, что мы были в курсе о реальных возможностях этого парня...

<http://tl.rulate.ru/book/33165/720737>